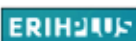
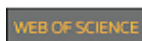

Киселева И. А. набросок Лермонтова «У России нет прошедшего...» в контексте «восточного вопроса»: к проблеме художественной историософии поэта / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 265—283. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-283.

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2022). Lermontov's Sketch "Russia Has no Past..." in Context of "Eastern Question": to Problem of Poet's Artistic Historiosophy. *Nauchnyi dialog*, 11(3): 265-283. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-283. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-283

**Набросок Лермонтова
«У России нет
прошедшего...»
в контексте «восточного
вопроса»: к проблеме
художественной
историософии поэта**

Киселева Ирина Александровна

orcid.org/0000-0002-9629-0035

доктор филологических наук,

профессор,

кафедра русской

классической литературы

ia.kiseleva@mgou.ru

Поташова Ксения Алексеевна

orcid.org/0000-0002-0164-0371

кандидат филологических наук, доцент

кафедра русской

классической литературы

kseniaslovo@yandex.ru

Московский государственный
областной университет
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 22-28-00025

**Lermontov's Sketch
"Russia Has no Past..."
in Context of "Eastern
Question": to Problem
of Poet's Artistic
Historiosophy**

Irina A. Kiseleva

orcid.org/0000-0002-9629-0035

Doctor of Philology, Professor,

Department of Russian

Classical Literature

ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova

orcid.org/0000-0002-0164-0371

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Russian

Classical Literature

kseniaslovo@yandex.ru

Moscow Region
State University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation
project number 22-28-00025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом исследования стало содержание автографа М. Ю. Лермонтова «У России нет прошедшего...» из «Записной тетради, подаренной В. Ф. Одоевским», в аспекте исторических взглядов поэта. Цель статьи связана с установлением историко-культурного генезиса произведения и уяснением его смысла в контексте творчества Лермонтова, русско-кавказского взаимодействия, а также собственно историософских концепций первой трети XIX века. Методология исследования предопределена текстологическим, историко-генетическим, культурно-историческим, сравнительно-историческим подходами к анализу текста. Конкретным инструментарием является дескрипция автографа, а также составление текстологического паспорта, отражающего технические стороны рукописного текста. Заметка Лермонтова представлена в контексте диалога с современниками и фольклорной традицией. Отмечается, что историко-литературный контекст лермонтовской заметки, ее аллюзии к фактам общественно-исторической мысли и образам русской словесности подчеркивают патриотизм Лермонтова. В результате исследования реконструирована протопанславистская концепция Лермонтова, коррелирующая с идеями о путях развития России как великой державы. Выводом исследования стало понимание лермонтовского наброска «У России нет прошедшего...» как эманации размышлений поэта об отношениях России и Кавказа в аспекте «восточного вопроса».

Ключевые слова:

Лермонтов; историософия; «восточный вопрос»; Россия; Кавказ; сказка; государственность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The subject of the study was the content of Lermontov's autograph "Russia has no past..." from the "Notebook donated by V. F. Odoevsky" in the aspect of the poet's historical views. The purpose of the article is connected with the establishment of the historical and cultural genesis of the text and the clarification of its meaning in the context of Lermontov's work, Russian-Caucasian interaction, as well as the historiosophical concepts of the first third of the 19th century. The research methodology is connected with textological, historical-genetic, cultural-historical, comparative-historical approaches to text analysis. The specific tools are the description of the autograph, as well as the preparation of a textological passport that reflects the technical aspects of the handwritten text. Lermontov's note is presented in the context of a dialogue with contemporaries and folklore tradition. The historical and literary context of Lermontov's note, its allusions to the facts of socio-historical thought and images of Russian literature emphasize Lermontov's patriotism. As a result of the study, Lermontov's proto-Pan-Slavic concept was reconstructed, which correlates with ideas about the ways of Russia's development as a great power. The conclusion of the study was the understanding of Lermontov's sketch "Russia has no past..." as an emanation of the poet's reflections on relations between Russia and the Caucasus in the aspect of the "Eastern question".

Key words:

Lermontov; historiosophy; "Eastern question"; Russia; Caucasus; fairy tale; statehood.

Набросок Лермонтова «У России нет прошедшего...» в контексте «восточного вопроса»: к проблеме художественной историософии поэта

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2022

1. Введение = Introduction

Актуальность поставленной проблемы обусловлена необходимостью уточнения особенностей исторического мышления М. Ю. Лермонтова, творчество которого, являясь отражением реальных картин своего времени, обладает провидческим потенциалом. Проблема взаимодействия отношения России и «восточного» мира в контексте историософских размышлений Лермонтова на сегодняшний день не получила всестороннего освещения, хотя ее отдельные аспекты были затронуты в отечественном литературоведении, в частности, в наших исследованиях, в которых рассматривались истоки панславистских прозрений поэта, которые были связаны как с рефлексией героических событий 1812 года [Киселева, 2012; Киселева, 2019], так и событий начавшейся в 1817 году Кавказской войны [Киселева, 2011; Киселева, 2013; Киселева и др., 2019]. Предметом настоящей статьи является смысловая наполненность автографа Лермонтова «У России нет прошедшего...» из «Записной тетради, подаренной В. Ф. Одоевским», в аспекте исторических взглядов Лермонтова. Запись Лермонтова «У России нет прошедшего...» впервые была опубликована А. А. Краевским в журнале «Отечественные записки» за 1844 год [Лермонтов, 1844, т. XXXII, № 1, с. 201] в примечаниях к напечатанным там же стихотворениям «Пророк» (1841) и «Свиданье» (1841), которые сопровождались пометой в сноске: «Есть кое-какие заметки, из которых разобрать можно только одну, потому что она обведена по карандашу чернилами» [Там же]. В дальнейшем запись публиковалась в разделе «Заметки, сюжеты и наброски». В академических собраниях сочинений поэта 1954—1957 и 1979—1981 годов допущена неточность в сообщении о первой публикации записи, вместо соответствующего номера «Отечественных записок» указано: «Впервые опубликовано в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, 1860, 425)» [Лермонтов, 1954—1957, т. VI, с. 681]. Задачами статьи являются установление историко-культурного генезиса наброска Лермонтова «У России нет прошедшего...» и уяснение его смысла в контексте историко-культурной ситуации и общественно-политических настроений первой трети XIX века. Гипотеза исследования заключается в предположении, что

набросок «У России нет прошедшего...» являет собой часть лермонтовского «кавказского текста», который представляется нервом философии истории Лермонтова.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Заметка Лермонтова «У России нет прошедшего...» написана на листе 7-оборот с конца «Записной книжки, подаренной В. Ф. Одоевским» (рис. 1).

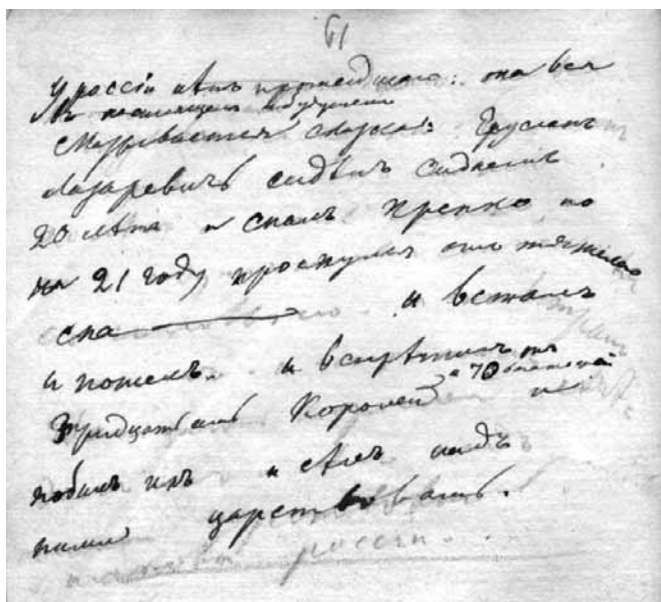

Рис. 1. Набросок М. Ю. Лермонтов «У России нет прошедшего...»

Беловик написан чернилами поверх карандашного черновика. Примечательно, что заметка сверху и снизу отчеркнута карандашом (отчеркнут именно черновик), таким образом Лермонтов будто акцентирует ее смысловую законченность и важность выраженной им мысли.

Настоящую заметку в контексте оформившегося в первой трети XIX века круга общественных идей и настроений с точки зрения имманентных этому временному срезу позиций позволяет рассмотреть культурно-исторический метод, предполагающий в данном исследовании изучение материалов периодических изданий, фиксирующих общественную жизнь изучаемой эпохи. Выявить смысловые связи лермонтовского текста

с предшествующей словесной традицией помогает сравнительно-типологический метод. Метод генетической критики вкупе с текстологией направлен на установление аутентичного текста и реконструкцию творческого процесса Лермонтова, особенностей его художественного мышления, вскрытия литературных и исторических источников текста. Конкретным инструментарием является дескрипция автографа, а также составление текстологического паспорта, отражающего технические стороны рукописного текста.

Текстологический паспорт наброска «У России нет прошедшего...» представлен в таблице 1.

Таблица 1

Черновик	Беловик
Черновик написан карандашом. Не-разборчиво, кроме последней строки: Такова россия...	У россия нѣтъ прошедшаго: она вся въ настоящемъ и будущемъ Сказывается сказка: Ерусланъ Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крепко но на 21 году проснулся отъ тяжелаго сна. и всталъ и пошелъ и встрѣтилъ онъ тридцать семь Королей и 70 богатырей и побилъ ихъ и сѣлъ надъ ними царствовать.

При изучении взаимодействия России и Кавказа в творчестве Лермонтова, как правило, авторы ограничивались фиксацией фактов кавказского пребывания и кругом тамошнего общения Лермонтова [Андроников, 1968], указаниями на полученные Лермонтовым с детства знания «быта, нравов и обычаев кавказских народностей, национальных преданий и легенд» [Удодов, 1973, с. 84], а также анализом кавказских мотивов Лермонтова в эстетической плоскости [Семенов, 1939]. Обобщающих выводов об особенностях историзма Лермонтова и его видении политической ситуации на Востоке эти обширные работы не содержат, однако являются значимой эмпирической базой при реконструкции взглядов Лермонтова на «восточный вопрос».

Собственно же проблематика взаимодействия русской и кавказской культур была намечена в статье Ю. М. Лотмана «Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова», акцентирующего «старческую дряхлость» [Лотман, 1985, с. 606] Востока и прилив сил в русском мире, противопоставленном как Западу, так и Востоку. Следует отметить и ста-

тью В. Е. Багно «Восточные ответы Лермонтова», затрагивающую проблему цивилизационного выбора России и преодоления «европоцентризма» [Багно, 2015, с. 72]. Однако обе работы не претендуют на всестороннее исследование историософии поэта в аспекте взаимодействия России с Кавказом, высказанные идеи не получили развития в дальнейших трудах исследователей.

Этапным представляется исследование Л. А. Ходанен «Культурный концепт “Кавказ” и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова», которая делает вывод о том, что «кавказский текст» Лермонтова «вписан в огромную панораму истории и современности всего Востока» [Ходанен, 2015, с. 55]. Игумен Нестор (Кумыш), обобщая размышления ученых о стихотворении «Спор», выделял два направления в изучении этого произведения. Первое связано со склонностью «видеть в споре Казбека и Эльбруса отражение лермонтовской надежды на победоносное завоевание Кавказа русским полководцем Ермоловым» [Кумыш, 2006, с. 54]. Второе акцентирует «отражение взгляда поэта на одряхлевший и обессиливший Восток и указание на особую миссию России в судьбах человеческих» [Там же]. Однако и эти обобщающие выводы не дают целостного решения проблемы России и Кавказа в лермонтовском творческом сознании, претендующем на объемность и диалектическую многоплановость. Конечно, нельзя не согласиться с А. Н. Михайловой, что «сочувствуя народам Кавказа, живо интересуясь их культурой и бытом, поэт убежден в том, что присоединение Кавказа к России и приобщение его к экономической и культурной жизни ее исторически неизбежны и прогрессивны» [Михайлова, 1954—1957, с. 360], но нельзя и не увидеть возможность духовного обогащения русского человека через столкновение с культурой горских народов, противопоставленных цивилизованному человеку в его условиях. Проблема русского Кавказа в его социокультурной составляющей была отчасти раскрыта в исследованиях И. С. Юхновой, которая делает вывод о том, что при создании Лермонтовым образа «кавказца» «обозначалась его картина мира, аксиология» [Юхнова, 2015, с. 1127]. Однако, при точности указания деталей, исследователь не претендует на реконструкцию историософии классика, отмечая лишь некоторые достаточно важные проблемы осмысления Лермонтовым кавказской тематики.

В зарубежных публикациях нет сколько-нибудь значимого блока исследований по проблеме «восточного вопроса» у Лермонтова. Отчасти эта тематика намечается в статьях П. Орте и В. Соболя, которые рассматривают «кавказский текст» Лермонтова как отражение захватнической политики Российской империи и подавления ею культурной идентичности кавказских народов: «the relationship between the imperial and poetic

appropriations/alienations of land and lore» [Orte, 2020, с. 544] / «взаимосвязь между имперскими и поэтическими присвоениями / отчуждениями земли и знаний» (здесь и далее перевод наш. — *И. К., К. П.*), «the Caucasus — an object of Russia's longlasting imperial ambition» [Sobol, 2011, с. 65] («Кавказ — объект давних имперских амбиций России»). Однако следует отметить, что тексты Лермонтова представляют собой более сложный симбиоз идей, явленных в диалектике изображенной им живой жизни героев и прямо выраженных идей, что подтверждают и многочисленные исследования отечественных лермонтоведов, и различные факты его общения с представителями общества того времени. набросок Лермонтова «У России нет прошедшего...» в отечественной и зарубежной науке не рассматривался как часть «кавказского текста»: в зарубежной науке набросок никогда не становился предметом изучения, не было и отечественных исследований, рассматривающих его в контексте «восточного вопроса», хотя попытки социально-политического рассмотрения наброска имелись уже в конце XIX века. В частности, таковой является статья В. Д. Спасовича «Байронизм у Лермонтова» (1888), в которой сделан весьма категоричный вывод о либерально-западническом настроении творца: «Под влиянием Байрона из Лермонтова выработался поэт весьма высокого полета, но космополитический <...> Он смотрел на средние века <...> с точки зрения московских западников, <...> очень довольных тем, что средних веков в России не было, что ее история — белый лист бумаги, на котором будущность запишет нечто ... бесконечно великое» [Спасович, 1890, с. 373]. Это утверждение может быть оспорено, так как противоречит литературному наследию Лермонтова и выраженным с его стороны симпатиям в адрес сложившегося в то время славянофильского взгляда на русскую историю.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Заметка «У России нет прошедшего...» в контексте размышлений Лермонтова об историческом пути России

Передав в апреле 1841 года только что написанное свое стихотворение «Спор» А. Ф. Самарину для публикации в прославянофильском «Москвитяине», Лермонтов ясно обозначил свою мировоззренческую установку по отношению к историческому предназначению России. Упомянутая в «Споре» имперская идея укрепления русских рубежей на Кавказе и мощи «северной Державы» лейтмотивом проходит во всей «Записной книжке, подаренной В. Ф. Одоевским», в которую вошли тексты Лермонтова последних месяцев жизни. Значительная часть текстов из «Записной книжки, подаренной В. Ф. Одоевским» имеет отсылающую к Востоку образную систему. Примечательно, что на листе 5-оборот от начала тетради — между

черновой и белой записью стихотворения «Спор» (которое и открывает «Записную книжку...») — сделана помета, носящая заголовочный характер, на что указывает прописная буква в начале слова, подчеркивание и ее расположение в центре чистой страницы (под заголовком проставлена цифра «7», обозначающая номер заполненной поэтом страницы) — «Востокъ». Вероятно, что эта помета была обусловлена размышлениями Лермонтова о «восточном вопросе», который был обозначен на Веронском конгрессе Священного Союза в 1822 году. Среди военных действий, связанных с «восточным вопросом», особое место занимала и Кавказская война 1817—1864 годов, в которой по долгу военной службы Лермонтов принимал непосредственное участие. Проблема укрепления влияния России на Кавказе, «цивилизаторская миссия» [Колосовская и др., 2020, с. 133], идеи «интеграции края в состав империи» [Колосовская, 2020, с. 163], «подданности имперской власти» [Ерохин и др., 2021, с. 1153] нашли отражение уже в ранней поэме Лермонтова «Измаил-Бей» (1832), где поэт заявляет о потенциальном могуществе России: *Смирись, черкес! И запад, и восток, // Быть может, скоро твой разделят рок. // Настанет час — и скажешь сам надменно: // Пускай я раб, но раб царя вселенной! Настанет час — и новый грозный Рим // Украсит Север Августом другим* [Лермонтов, 1954—1957, т. III, с. 201]. В стихотворении Лермонтова «Спор» ярко выражено видение «России как великой империи, которая в своей мощи и объемности уподобляется силе природной, стихийной и превышает потенциал когда-то исторически значимых государств» [Киселева и др., 2019, с. 275]. В размышлениях Лермонтова о «восточном вопросе» свое место занимает и набросок «У России нет прошедшего...», который логично рассматривать, не отрывая его от общего настроения поэта.

Раздумывая над российской историей, В. В. Розанов отметил, что высказанные в наброске Лермонтова мысли являются «мучительными для всякого русского» [Розанов, 1997, с. 50]. Комментируя в статье «Исторический перелом» (1905) первую часть высказывания («У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем»), В. В. Розанов отмечал: «Лермонтов был необыкновенный ум, не говоря уже о поэтическом гении. Он был феномен нашей истории, что-то причудливое и загадочное, точно комета, сбившаяся со своих и забежавшая на чужие пути. И вот так любя свою Родину (о чем никто не спорит), он выставил в приведенной строке как бы личный свой тезис: “Все прошлое святой моей терпеливой родины <...> смутно по смыслу <...>. Но душа у нее великая. И великого от нее мы должны ждать в будущем”. Он бы не написал: “Она вся в будущем”, если бы сомневался о душе ее так же, как, очевидно, сомневался и даже отверг значительность ее истории» [Розанов, 1997, с. 50].

При размышлении над текстом В. В. Розанов заменяет лермонтовское слово «прошедшее» на «прошлое». Вплетая (вероятно, не осознавая подмены) в свое рассуждение более подходящее, на его взгляд, по смыслу слово «прошлое», В. В. Розанов несколько искажает смысл высказывания поэта. Употребляемое Лермонтовым слова «прошедшее» несет в себе особые смысловые оттенки. Если *прошлое* «непосредственно предшествует чему-то в последовательности объектов или явлений» [Новый объяснительный словарь ..., 2003, с. 833] и «отодвигает характеризуемый объект вглубь временной оси в большей степени, чем прочие прилагательные ряда» [Там же, с. 835], *прошедшее* же означает то, что перестало быть в настоящем. Отрицание прошедшего («У России нет прошедшего... она вся в настоящем и будущем») подчеркивает живую жизнь российской истории (истории как прошлого) «в настоящем и будущем». Замечание Лермонтова о «настоящем» в его высказывании свидетельствует о том, что в современную ему эпоху именно Кавказ он увидел местом утверждения России как Великой Державы. Здесь поэт почувствовал энергию истории.

Уже в раннем стихотворении Лермонтова «1831-го января» (1831) история представляется поэту в манящем олицетворенном образе: *Веков протекущих великаны. // Они зовут, они манят, // Поют и я пою за ними, // И, полный чувствами живыми, // Страшуся поглядеть назад* [Лермонтов, 1954—1957, т. I, с. 175]. Знаменательно, что в отрывке «У России нет прошедшего...» Россия также уподобляется сказочному богатырю Еруслану Лазаревичу — своего рода великану. То есть отрицание прошедшего в анализируемом наброске не только не противоречит вере Лермонтова в величие Русской державы, но и подчеркивает его патриотизм.

Олицетворение России в ее уподоблении богатырю (великану) было довольно распространено в творческом наследии Лермонтова. Русское богатырство акцентируется и в стихотворении «Бородино» (1837). В поэме «Сашка» (1835—1836) «столетним русским великаном» [Там же, т. IV, с. 43] поэт называет Кремль, в стихотворении «Два великана» (1832) «старый русский великан» противопоставлен Наполеону («трехнедельный удалец») [Там же, т. II, с. 51], то есть сам принцип аллегорического олицетворения характерен для поэтики Лермонтова.

При анализе рефлексии русских мыслителей над лермонтовской заметкой нельзя не отметить желание сделать поэтический текст иллюстрацией своей концепции на основе припоминания или же беглого прочитывания текста. А. А. Краевский, публикуя заметку, также ошибочно указал на поставленный Лермонтовым акцент в последней части фразы — «Такова Россия», отметив, что ее поэт «внизу прибавил карандашом» [Краевский, 1844, с. 201]. Обращение к рукописи позволяет говорить о том, что фраза

не была добавлена, а составляла часть первоначального чернового текста, написанного карандашом и не обведенного чернилами, то есть не вошедшего в окончательный вариант заметки.

3.2. Заметка Лермонтова «У России нет прошедшего...» в контексте дискуссий вокруг «Философического письма» П. Я. Чаадаева

Набросок являет собой неосуществленный замысел стилизованного под фольклор произведения или только вариант мыслительного диалога Лермонтова с современниками, спорящими в то время о русской истории и путях развития страны. Л. М. Аринштейн полагал, что Лермонтов в своем высказывании «определенно отмежевывается от официально-патриотической точки зрения» [Аринштейн, 1981, с. 421], вступая в спор с А. Х. Бенкендорфом, мнение которого было отражено в ходившем во времена Лермонтова анекдоте (в значении краткого рассказа об истории из жизни), передающем диалог защищающего П. Я. Чаадаева М. Ф. Орлова с шефом жандармов: «Le passé de la Russie, a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer: voilà, mon cher, le point de vue sous lequel l'histoire russe doit être connue et écrite» [Жихарев, 1871, с. 38] (Прошлое России было восхитительным; ее настоящее — более чем великолепно; что касается ее будущего, то оно выходит за пределы всего, что может быть представлено самым смелым воображением: вот, дорогой мой, точка зрения, под которой должна быть известна и написана русская история). Однако Л. М. Аринштейн справедливо считает, что Лермонтов «не согласен и с противоположным, пессимистическим взглядом, характерным для П. Я. Чаадаева» [Аринштейн, 1981, с. 421], который в своем первом «философическом письме» писал: «Мы живем в каком-то равнодушии ко всему, в самом тесном горизонте без прошедшего и будущего» [Чаадаев, 1836, с. 284]. Л. М. Аринштейн определяет позицию Лермонтова как срединную — между мировоззрением западников и славянофилов, — хотя кажется, что это утверждение звучит достаточно неопределенно, серьезную аргументацию исследователь не приводит, кроме той, что поэт незадолго до написания наброска встречался и с Ю. Ф. Самариным, и с В. Г. Белинским — яркими представителями этих двух противоборствующих направлений. Однако факт передачи Лермонтовым стихотворения «Спор» Ю. Ф. Самарину и выраженная в нем идея свидетельствуют в адрес славянофильских симпатий поэта. Ближе же всего Лермонтов в своих убеждениях к А. С. Пушкину, это можно утверждать уже исходя из его литературного наследия (исторических шедевров: «Два великана», «Бородино», «Песня о царе Иване Васильевиче...» и др.). В письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 года Пуш-

кин спорит со своим другом и, кратко излагая богатую российскую историю, заявляет: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться <...> клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» [Пушкин, 1937—1959, т. XVI, с. 392—393]. В этом же письме Пушкин высказывает и свое искренне отношение к правительству, которое редко учитывалось в литературоведении до 1990-х годов. И если стремление «противопоставить мировосприятие Пушкина официальной идеологии» было характерной чертой «старолиберального, а потом и советского литературоведения» [Сквозников, 1998, с. 177], то это верно и по отношению к Лермонтову.

Старший современник Пушкина и Лермонтова, либерально настроенный генерал М. Ф. Орлов достаточно критически оценивал настоящее и будущее России: «Мы сражались против целой Европы, но целая Европа ожидала от наших усилий своего освобождения, а что мы можем предложить завоеванным народам? И что же мы будем предлагать завоеванным народам? Наш жестокий удел рабства?» [Орлов, 1963, с. 33]. Если единомышленник Чаадаева уподобляет Россию «исполину ужасной силы и величины, изнемогающему от тяжелой внутренней болезни» [Там же, с. 64], то позиция Лермонтова противоположна. Поэт в своем наброске будто вступает в живой разговор со своими современниками, оперируя сходными образами (великан / исполин) и понятиями (прошедшее / настоящее / будущее).

3.3. Фольклорные аллюзии заметки «У России нет прошедшего...» как ключ к пониманию замысла Лермонтова

Структурно-смысловая конструкция высказывания «У России нет прошедшего» являет собой сверхфразовое единство. Перед нами стройное суждение, которое логически состоит из нескольких частей. Первая часть — утверждение категоричного характера («У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем»). Вторая часть представляет собой аргументацию, в качестве которой выступает сказочный сюжет, расположение его частей соответствует народной волшебной сказке. Здесь традиционный фольклорный запев (*Сказывается сказка*), собственно действие (*Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна и встал и пошел и встретил он тридцать семь Королей и 70 богатырей*) и исход (*и побил их и сел над ними царствовать*). Обводя текст чернилами, Лермонтов отказался от акцента на выводе-обобщении («Такова Россия»), таким образом, акцент смещается на исход сказки, то есть суть всей фразы заключается именно в приведенном сказочном сюжете.

Спорным представляется суждение Ю. И. Смирнова, высказанное в связи с этой заметкой, что поэт был «совершенно человеком несведущим, по-настоящему не знающим русскую фольклорную традицию» [Смирнов, 2003, с. 26]. Для своего времени поэт был достаточно эрудированным в русском фольклоре человеком: здесь сказалось и обучение у А. Ф. Мерзлякова, известного своим опытом создания лирических песен в народном стиле, и «влияние дворовой среды, песен крепостных девушек» [Азадовский, 1941, с. 227], и сама эпоха — время, когда «выходят “Сказки” Пушкина и Жуковского, “Вечера на хуторе близ Диканьки” Гоголя; за ними появляются “Сказки” Даля, Языкова, Ершова ...» [Там же, с. 235]. Уже в 1830 году (в пятнадцатилетнем возрасте) Лермонтов написал в одной своей автобиографической заметке: «Однако же, если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. — Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слышал сказок народных; — в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности» [Лермонтов, 1954—1957, т. IV, с. 353]. Как убедительно доказывает М. К. Азадовский, «заметка Лермонтова представляется как бы одним из звеньев общей цепи аналогичных явлений и отражает общий интерес эпохи к народной поэзии и ее изучению» [Азадовский, 1941, с. 235]. О сознательном отношении Лермонтова к народной эстетике и усвоении им принципов художественного изображения человека и мира в русском фольклоре говорит и его признанный шедевр — «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837). Еще в университетский период поэт делал наброски эпических произведений с народно-поэтической основой — план волшебной сказки «При дворе князя Владимира», шутливой поэмы о богатырских подвигах. Оба эти замысла близки к литературно-фольклорной традиции рубежа XVIII—XIX веков и не дают возможности усомниться в знакомстве Лермонтова с существовавшими на тот момент изданиями русских сказок. Именно фольклорное начало с его стихийностью и воспроизведением абсолютно верных закономерностей человеческого бытия обладает высочайшим потенциалом для художественной реализации идеи исторического масштаба.

Могучий былинный образ, воплотившийся в невероятной силе, с помощью которой герой побил иноплемеников, Лермонтов переносит на сказочный образ богатыря Еруслана Лазаревича. Однако в известных еще с XVII века и активно бытовавших у народов Кавказа и Средней Азии двух сюжетах о Еруслане Лазаревиче (освобождение им персидского шаха Киркоуса из темницы и бой Еруслана с сыном) не сообщается о врожденной немощи и об обретении героем богатырской силы. Не содержится этой сюжетной линии в наиболее популярном в народе и, очевидно, известном

Лермонтову варианте «Сказания о Еруслане Лазаревиче» по списку Погодина (1773). Сюжет о сидне, получившем исцеление, прочно закрепился в русском фольклоре за богатырем Ильей Муромцем. Сюжет об исцелении не владевшего ногами крестьянского сына Ильи, ставшего богатырем Ильей Муромцем и «побившего силу басурманскую копьем булатным» [Сказка о славном ..., 1793, с. 3], отражен в «Истории о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике» (СПб., 1793) (былинная интерпретация сюжета об исцелении Ильи Муромца широко известной становится только к середине XIX века, после фиксации в сборниках П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, тогда как в сборнике былин И. П. Сахарова, вышедшем в двух редакциях — 1839 и 1841 годов — этот биографический элемент отсутствовал). Сюжетные переклички с лермонтовским наброском очевидны и в сравнении со «Сказкой о тридесяти трех летнем сидне Иване, крестьянском сыне и как сделался он чрез разум свой и хитрость великим царем» (СПб., 1788). В основу сказочного сюжета положено повествование о богатыре Иване, немощь которого («Ходить он не мог, потому что был сидень, <...> не мог ходить и сидел сиднем ровно тридцать лет и три года» [Сказка ..., 1788, с. 341] исцелил пришедший нищий. Результатом преодоления богатырем ряда испытаний на востоке стало спасение Китая и характерная для сказочного сюжета развязка — женитьба, получение Царства и всеобщее благоденствие [Там же, с. 349], мотивную параллель которому содержит и поэма Лермонтова «Мцыри»: *На Грузию! — она цвела // С тех пор в тени своих садов, // Не опасаяся врагов, // За гранью дружеских штыков* [Лермонтов, 1954—1957, т. IV, с. 149].

В качестве источников появления лермонтовского замысла можно назвать и богатырские сказки из девятой части собрания В. А. Левшина «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения» (1783). Однако Лермонтов при осмыслении фольклорного сюжета об обретшем силу богатыре намеренно отказывается от некоторых устойчивых элементов. Поэт дополняет врожденную немощь богатыря указанием на крепкий беспробудный сон, тем самым перенося акцент с физической неспособности к действию на временное бездействие. В сказке «Приключения собственные богатыря Булата» приведено примечательное заключение о богатырском сне: «Сон есть действие непосредственное от Богов, служащее к лучшему укреплению сил в богатыре, ибо после богатырь мог целые два года бодрствовать без малейшего природе своей отягощения» [Левшин, 1783, с. 113]. «Крепким сном» [Там же, с. 111] покоился русский богатырь Булат, а после пробуждения одерживал победы в битвах с Аварским ханством. Примечательно, что у Лермонтова

в «Валерике» (1840) также встречается указание на Аварию (*Как при Ермолове ходили // В Чечню, в Аварию, к горам ...* [Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 168]), тогда как это именование части Северного Кавказа крайне редко встречается у современных ему писателей.

Созвучные лермонтовскому высказыванию мотивы можно найти и в богатырской сказке «Приключения богатыря Сидона» из той же части собрания сказок Левшина. Средиземноморский богатырь Сидон говорит о Еруслане Лазаревиче: «Я был очевидцем ста двадцати поединков его со славнейшими богатырями, из коих повсегда выносил он победу. Редкого из покоренных им богатырей лишал он жизни, а только в необходимых обстоятельствах сопротивления довольствовался отнятием оружия у побежденного» [Левшин, 1783, с. 213]. Здесь видим и сближающий тексты акцент на числовом выражении побед, и сам мотив непобедимости богатыря.

И, наконец, поэт, не объясняя самой причины пробуждения, переходит сразу к следствию: *и встал, и пошел, и встретил, и сел над ними царствовать* [Записная книжка ..., 1841, 7-оборот]. Аллюзии Лермонтова к сказке В. А. Левшина могут быть связаны с поднимаемой в ней темой Востока и Кавказа. Еруслан Лазаревич всю свою добычу «собирал и хранил в особой пещере, находящейся в горах Кавказских» [Левшин, 1783, с. 213—214]. Рассказчик, которым выступает богатырь Сидок, пишет о своих богатырских поездках с Ерусланом Лазаревичем: «Мы объехали с ним почти весь восток, наполняя следы наши честью и славой» [Там же, с. 214].

4. Заключение = Conclusions

Рассмотренный в своей аутентичности, при внимании к значению употребляемых поэтом слов, в контексте историко-культурной жизни того времени и традиции русского сказочного эпоса лермонтовский набросок «У России нет прошедшего...» может быть интерпретирован как эманация размышлений Лермонтова об отношениях России и Кавказа в аспекте «восточного вопроса». Поставленные поэтом в заметке «У России нет прошедшего...», в стихотворении «Спор» (1841), в поэме «Мцыри» (1839) и других текстах акценты на богатырстве России служат ключом к его пониманию истории. В лермонтовской заметке аллегорически выражена концепция видения России великой Империей, утверждение которой простирается на Восток (в частности, на ее кавказские рубежи). Акцентируемое поэтом в заметке фольклорное начало при изображении русской мощи является знакомым для лермонтовской художественной системы. Народный элемент присутствует во всех произведениях Лермонтова, связанных с пафосом величия России в ее историческом измерении. Философские основания лермонтовского историзма, который в аспекте взаимоотношения России и Кавказа

приобретает в творчестве Лермонтова социокультурное измерение, до сих пор в полноте не осмыслены и представляют собой плодотворную почву для новых историко-филологических исследований. Перспективы изучения художественной историософии Лермонтова видятся в уточнении принципов лермонтовского исторического мышления; в выявлении особенностей исторической интуиции поэта, специфики взгляда на исторический процесс, в характеристике настроений эпохи и источников историософских интенций поэта в связи с проблемой диалога России и Кавказа.

Источники и принятые сокращения

1. *Записная книжка*, подаренная В. Ф. Одоевским. 1841 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 429. № 12. 27 л.
2. *Левшин В. А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения. Часть 9 / В. А. Левшин. — Москва : Унив. тип. у Н. Новикова, 1783. — 331 с.
3. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения : в 6-ти томах / М. Ю. Лермонтов. — Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1954—1957.
4. *Лермонтов М. Ю.* «У России нет прошедшего...» / М. Ю. Лермонтов // Отечественные записки. — 1844. — Т. XXXII. — № 1. — С. 201.
5. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* Второе издание, исправленное и дополненное / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 1488 с.
6. *Сказка о тридесяти трех летнем сидне Иване, крестьянском сыне и как сделался он чрез разум свой и хитрость великим царем.* — Санкт-Петербург : Типография Богдановича, 1788. — 16 с.
7. *Сказка о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье Разбойнике, так же о богатыре Буде Жигуловиче.* — Санкт-Петербург : Типография Богдановича, 1793. — 16 с.
8. Чаадаев П. А. Философические письма к госпоже***. Письмо первое / П. А. Чаадаев // Телескоп. Журнал современного просвещения, издаваемый Н. Надеждиным. — 1836. — № 15. — С. 276—310.

Литература

1. *Азадовский М. К.* Фольклоризм Лермонтова / М. К. Азадовский // М. Ю. Лермонтов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1941. — Книга I. — С. 227—262.
2. *Андроников И. Л.* Лермонтов : Исследования и находки / И. Л. Андронников. — Москва : Художественная литература, 1968. — 609 с.
3. *Аринштейн Л. М.* Планы. Наброски. Сюжеты / Л. М. Аринштейн // Лермонтовская энциклопедия. — Москва : АН СССР, 1981. — С. 417—421.
4. *Багно В. Е.* Восточные ответы Лермонтова / В. Е. Багно // Мир Лермонтова : Коллективная монография. — Санкт-Петербург : Скрипториум, 2015. — С. 68—72.
5. *Ерохин А. М.* Национальная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX — начале XX веков / А. М. Ерохин, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев // Былые годы. — 2021. — № 16 (3). — С. 1153—1161. — DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.5.9.
6. *Жихарев М. И.* Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. Статья 2-я / М. И. Жихарев // Вестник Европы. — 1871. — № 9. — С. 8—55.

7. Киселева И. А. Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте / И. А. Киселева, К. А. Поташова, Е. А. Сеченых // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 264—279. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279.
8. Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система / И. А. Киселева. — Москва : Московский государственный областной университет, 2017. — 178 с.
9. Киселева И. А. О познавательном-ценностном подходе к творчеству М. Ю. Лермонтова : телеология текста / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2013. — № 6. — С. 82—87.
10. Киселева И. А. Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века : к вопросу о патриотизме Лермонтова / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. — 2012. — № 4. — С. 182—187.
11. Киселева И. А. Имперский идеал в поэмах М. Ю. Лермонтова «Измаил-бей» и «Мцыри» / И. А. Киселева // Вестник Орловского государственного университета. Серия : Новые гуманитарные исследования. — 2011. — № 6 (20). — С. 136—138.
12. Колосовская Т. А. Имперская политика памяти на Кавказе : Механизмы конструирования массового исторического сознания (XIX — начало XX веков) / Т. А. Колосовская, Д. С. Ткаченко // Новый исторический вестник. — 2020. — № 2 (64). — С. 131—154. — DOI: 10.24411/2072-9286-2020-00014.
13. Колосовская Т. А. «Изучая край с точки зрения военной» : российские офицеры и интеллектуальное освоение Северного Кавказа времен Кавказской войны / Т. А. Колосовская // Российская история. — 2020. — № 3. — С. 156—163. — DOI: 10.31857/S086956870010151-7.
14. Кумыш В. Ю. Пророческий смысл творчества М. Ю. Лермонтова / В. Ю. Кумыш. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. — 209 с.
15. Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова / Ю. М. Лотман // Лермонтовский сборник. — Ленинград : Наука, 1985. — С. 5—22.
16. Михайлова А. Н. Спор / А. Н. Михайлова // Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 6 томах. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1954—1957. — Т. II. — С. 359—360.
17. Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма / М. Ф. Орлов. — Москва : АН СССР, 1963. — 374 с.
18. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1937—1959.
19. Розанов В. В. Исторический перелом / В. В. Розанов // Собрание сочинений : в 30 т. — Москва : Республика, 1997. — Т. VI. — С. 41—84.
20. Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе / Л. П. Семенов. — Пятигорск : Орджоникидзевское краевое издательство, 1939. — 224 с.
21. Сквозников В. Д. Пушкин. Историческая мысль поэта / В. Д. Сквозников. — Москва : Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1998. — 223 с.
22. Смирнов Ю. И. Пробуждение Еруслана Лазаревича / Ю. И. Смирнов // Сибирский филологический журнал. — 2003. — № 2. — С. 24—27.
23. Спасович В. Д. Байронизм у Лермонтова / В. Д. Спасович // Сочинения : в 10 т. — Санкт-Петербург : Бр. Рымович, 1889—1910. — Т. 2. Литературные очерки и портреты. — С. 371—378.

24. Удодов Б. Т. К вопросу о лирическом герое Лермонтова / Б. Т. Удодов // Вопросы поэтики литературы и фольклора. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1974. — С. 73—90.

25. Ходанен Л. А. Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова / Л. А. Ходанен // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 4. — С. 47—57. — DOI: 10.17223/18137083/53/6.

26. Юхнова И. С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова / И. С. Юхнова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1—1. — Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17118> (дата обращения: 16.04.2022).

27. Orte P. Lermontov's «Ashik-kerib» and the lyric hero / P. Orte // Slavic and East European Journal. — 2019. — Vol. 63, № 4. — Pp. 543—561.

28. Sobol V. The Uncanny Frontier of Russian Identity : Travel, Ethnography, and Empire in Lermontov's «Taman» / V. Sobol // The Russian Review. — 2011. — Vol. 70, № 1. — Pp. 65—79.

Material resources

A fairy tale about the glorious and brave hero Ilya Muromets and about the Robber Nightingale, as well as about the hero Bud Zhigulovich. (1793). St. Petersburg: Bogdanovich Printing House. 16 p. (In Russ.).

A notebook donated by V. F. Odoevsky. (1841). In: *Department of Manuscripts of the Russian National Library*. F. 429. №. 12. 27 l. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (ed.) (2003). *A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language*. Moscow: Languages of Slavic culture. 1488 p. (In Russ.).

Chaadaev, P. A. (1836). Philosophical letters to Mrs. ***. *The first letter: The telescope. The Journal of Modern Enlightenment, published by N. Nadezhdin*, 15: 276—310. (In Russ.).

Lermontov, M. Y. (1844). “Russia has no past...”. *Domestic notes, XXXII (1)*: 201. (In Russ.).

Lermontov, M. Y. (1954—1957). *Essays: in 6 volumes*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).

Levshin, V. A. (1783). *Russian fairy tales containing the oldest narratives about glorious heroes, folk tales, and other adventures remaining through retelling in memory*, 9. Moscow: Univ. type. at N. Novikov. 331 p. (In Russ.).

The tale of the three-and-sixty-three-year-old Sidna Ivan, a peasant's son, and how he became a great tsar through his mind and cunning. (1788). St. Petersburg: Bogdanovich Printing House. 16 p. (In Russ.).

References

Andronikov, I. L. (1968). *Lermontov: Research and findings*. Moscow: Fiction. 609 p. (In Russ.).

Arinstein, L. M. (1981). Plans. Sketches. Plots. In: *The Lermontov Encyclopedia*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 417—421. (In Russ.).

Azadovsky, M. K. (1941). Lermontov's Folklore. In: *M. Yu. Lermontov, I*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 227—262. (In Russ.).

Bagno, V. E. (2015). Eastern answers of Lermontov. In: *Lermontov's World: A collective monograph*. St. Petersburg: Scriptorium. 68—72. (In Russ.).

Draughtsman, V. D. (1998). *Pushkin. Historical thought of the poet*. Moscow: Gorky Institute of World Literature. 223 p. (In Russ.).

- Erokhin, A. M., Avdeev, E. A., Vorobyev, S. M. (2021). The national policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the XIX — early XX centuries. *Bygone Years*, 16 (3): 1153—1161. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.5.9. (In Russ.).
- Khodanenko, L. A. (2015). The cultural concept “Caucasus” and its text-forming role in the works of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov. *Siberian Philological Journal*, 4: 47—57. DOI: 10.17223/18137083/53/6. (In Russ.).
- Kiselyova, I. A. (2011). The Imperial ideal in the poems of M. Y. Lermontov “Izmail Bey” and “Mtsyri”. *Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies*, 6 (20): 136—138. (In Russ.).
- Kiselyova, I. A. (2012). The role of the events of the War of 1812 in the formation of imperial sentiments of Russian society in the first third of the nineteenth century: on the question of patriotism Lermontov. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 4: 182—187. (In Russ.).
- Kiselyova, I. A. (2013). On the cognitive-value approach to the work of M. Y. Lermontov: teleology of the text. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 6: 82—87. (In Russ.).
- Kiselyova, I. A. (2017). *M. Y. Lermontov's creativity as a religious and philosophical system*. Moscow: Moscow State Regional University. 178 p. (In Russ.).
- Kiselyova, I. A., Potashova, K. A., Sechenych, E. A. (2019). Creative History of M. Yu. Lermontov's Poem “Dispute” (1841) in Cultural and Historical Context. *Nauchnyi dialog*, 10: 264—279. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279. (In Russ.).
- Kolosovskaya, T. A. (2020). “Studying the region from the military point of view”: Russian officers and intellectual development of the North Caucasus during the Caucasian War. *Russian history*, 3: 156—163. DOI: 10.31857/S086956870010151-7. (In Russ.).
- Kolosovskaya, T. A., Tkachenko, D. S. (2020). Imperial policy of memory in the Caucasus: Mechanisms of constructing mass historical consciousness (XIX — early XX centuries). *New Historical Bulletin*, 2 (64): 131—154. DOI: 10.24411/2072-9286-2020-00014. (In Russ.).
- Kumysh, V. Yu. (2006). *The prophetic meaning of M. Yu. Lermontov's creativity*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 209 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1985). The problem of East and West in the work of the late Lermontov. In: *The Lermontov Collection*. Leningrad: Nauka. 5—22. (In Russ.).
- Mikhailova, A. N. (1954—1957). Dispute. In: Lermontov, M. Y. *Essays: in 6 volumes*, 2. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. 359—360. (In Russ.).
- Orlov, M. F. (1963). *The Surrender of Paris. Political writings*. Letters. Moscow: USSR Academy of Sciences. 374 p. (In Russ.).
- Orte, P. (2019). “Ashik-kerib” Lermontov and the lyrical hero. *Slavic and Eastern European Journal*, 63 (4): 543—561.
- Pushkin, A. S. (1937—1959). *Complete works: in 16 volumes*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Rozanov, V. V. (1997). The Historical Turning point. In: *Collected works: in 30 vols, VI*. Moscow: Republic. 41—84. (In Russ.).
- Semenov, L. P. (1939). *Lermontov in the Caucasus*. Pyatigorsk: Ordzhonikidze regional Publishing house. 224 p. (In Russ.).
- Smirnov, Yu. I. (2003). The Awakening of Yeruslan Lazarevich. *Siberian Philological Journal*, 2: 24—27. (In Russ.).

- Sobol, V. (2011). Supernatural frontier of Russian identity: travels, ethnography and empire in “Taman” Lermontov. *Russian Review*, 70 (1): 65—79. DOI:10.1111/j.1467-9434.2011.00596.x.
- Spasovich, V. D. (1889—1910). Byronism at Lermontov. In: *Essays: in 10 vols, 2. Literary essays and portraits*. St. Petersburg: Br. Rymovich. 371—378. (In Russ.).
- Udodov, B. T. (1974). To the question of Lermontov’s lyrical hero. In: *Questions of poetics of literature and folklore*. Voronezh: Voronezh University Publishing House. 73—90. (In Russ.).
- Yukhnova, I. S. Essay “The Caucasian” in the context of the work of M. Y. Lermontov. In: *Modern problems of science and education, 1—1*. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17118> (accessed 16.04.2022). (In Russ.).
- Zhikharev, M. I. (1871). Pyotr Yakovlevich Chaadaev. From the memoirs of a contemporary, 2. *Bulletin of Europe*, 9: 8—55. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.01.2022,
одобрена после рецензирования 12.03.2022,
подготовлена к публикации 17.04.2022.